

О П Е Р А Ц И Я

Юри
Мерринов

74 32154 6755 07657 85764
2 60234 55127 73585 96436
15483 02341 68459 65702 3
920 75489 35279 68321 5
60103 58430 25237 58
56738 74390 66770 9
38 78432 06012 8012
0912 78493 943712
5 07657 85764
436
0234 5459 65702 3
75489 79 68321 5
60103 58430 25237 58
56738 74390 66770 9
38 78432 06012 8012
0912 78493 943712
1657 85764
85 96436
65702 3
8321 5
58
75489 35279 68321 5
60234 57849 63920 75489 35279 68321 5
9564 980112 67213 60103 58430 25237 58
672 74829 68321 56738 74390 66770 9
57 76012 13132 57438 78432 06012 8012
65678 98435 240912 78493 943712
98674 32154 67865 07657 85764
4532 60234 55127 73585 96436
57 75483 02341 68459 65702 3
9 63920 75489 35279 68321 5
8/213 60103 58430 25237 58

15.02-190

~~26/m-1495~~

~~27/11-2028~~

~~29/11-483~~

~~11/11-465~~

~~11/11-75~~

~~11/11-408~~

~~13/11-298~~

~~21/11-318~~

~~12-01-375~~

~~12-10-268~~

~~24.02.241~~

~~10.01.79~~

*50-летию г. Находка
посвящается*

84(2 Рое = Рче) 6кр
М 52

Юрий МЕРИНОВ

ЛИЧНАЯ ТРАГЕДИЯ

Повесть

ИЗ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Повесть

ОПЕРАЦИЯ «ТАЙФУН»

По следам одного покушения

Детектив

28895

Завком
Приморского 3-да
г. Ниходка
Русский Остров
Владивосток

2001

ОК | ЦБС
г. Находка

Автор выражает сердечную признательность
генеральному директору ООО «Гамма лимитед»
Владимирову Виктору Алексеевичу
за техническое содействие и поддержку в издании книги.

Юрий МЕРИНОВ

Личная трагедия

Повесть

Из неофициальных

источников

Повесть

Мерин Ю.

Операция «Тайфун». - Владивосток, «Русский Остров», 2001.- 224 с.

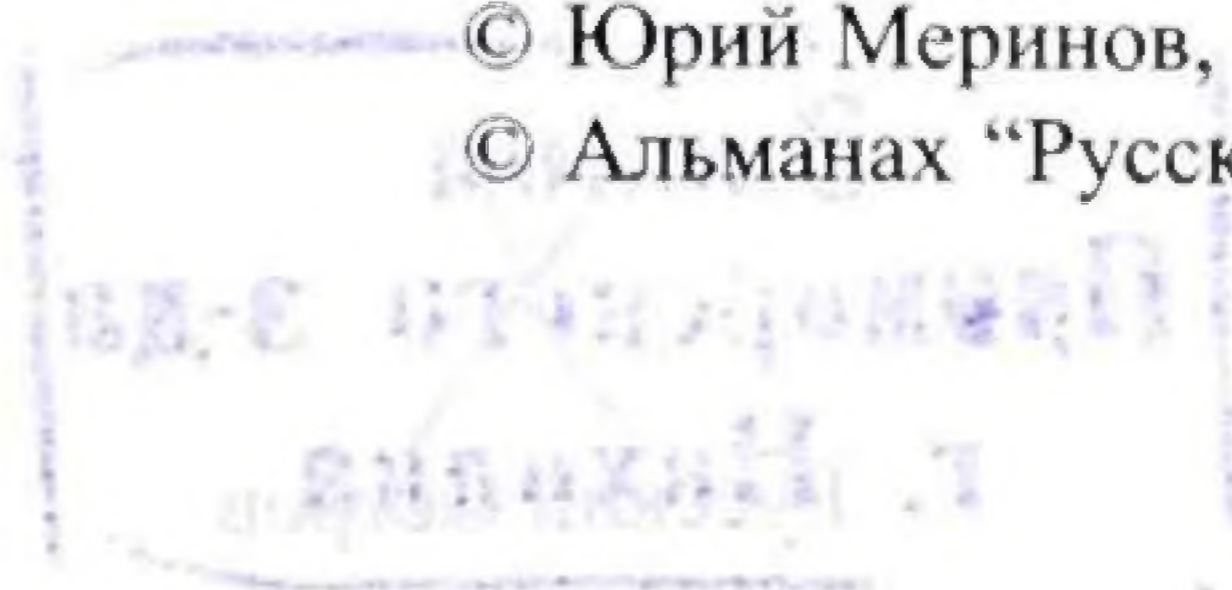
В новый сборник приморского автора Юрия Меринова вошли три разноплановых произведения: повесть «Личная трагедия», остросюжетная повесть «Из неофициальных источников» и детектив «Операция «Тайфун». По следам одного покушения». Все они объединены одной мыслью - у человека может сложиться в жизни все, но только от него самого в большей степени зависит, как он выйдет из сложившейся ситуации.

Закрученные сюжеты, динамичное развитие событий, доступность и простота изложения не оставят читателя равнодушным.

ISBN 5-93577-011-3

© Юрий Меринов, 2001

© Альманах «Русский Остров», 2001

Слово к читателю

Юрий Меринов стремительно ворвался в литературу. Уже первая повесть «Навстречу мечте», увидевшая свет в октябре 1998 года, нашла своего читателя, получила множество положительных отзывов от людей самого разного возраста. Затем были повести «Новая высота» и «Право выбора», вышедшие в сборнике «Страницы жизни».

Отличительной чертой автора является то, что Ю. Меринов пишет о событиях сегодняшнего дня. Его герои - люди Приморья: городов, рабочих поселков, больших и малых деревень; подчас легко узнаваемые среди наших современников. Автор пытается осмыслить недалекое прошлое, сложность настоящего и хочет заглянуть в будущее. Не всегда можно согласиться с его оценками, но он и не настаивает. Просто своими книгами как бы подталкивает людей реально оценить жизнь, определить свое место в ее немыслимой круговерти, быть небезучастным ко всему происходящему.

Герои книг Ю. Меринова не только думают о том, что им удалось сделать, но и о том, что они оставят будущим поколениям. Не многие писатели решаются рассказывать о настоящем времени.

У Юрия Меринова легкое перо, самобытный стиль изложения, а жизненный путь, большой опыт работы с людьми помогают понять психологию человеческих отношений. Главное - это человек, его поступки и дела.

В новом сборнике «Операция "Тайфун"» три разноплановые повести, но все они объединены одной мыслью - у человека может сложиться в жизни все, но только от него самого в большей степени зависит, как он выйдет из сложившейся ситуации.

Книги Ю. Меринова не залеживаются на прилавках магазинов. Пожелаем его произведениям, героям долгой жизни, а самому автору - новых творческих поисков.

*А. Яковец,
редактор альманаха
«Русский Остров».*

Об авторе

Юрий Меринов родился 1 января 1947 года в с. Тереховка Надеждинского района Приморского края. Свои первые творческие шаги начал в литературном объединении «Лотос» при уссурийской городской газете «Коммунар». Еще в школе написал сочинение на свободную тему «Человеку и в космосе нужна ветка сирени», которое получило высокую оценку Министерства просвещения СССР, а автор - приглашение в Литературный институт им. М. Горького.

Но жизнь распорядилась по-другому. После окончания Дальневосточного высшего инженерного морского училища им. адм. Г. И. Невельского работал механиком на судах ДВМП, избородил суровые просторы Арктики, побывал во многих странах мира. Затем долгие годы жизни были связаны с комсомольской и партийной работой. Был делегатом XVIII съезда ВЛКСМ, XXVIII съезда КПСС, неоднократно избирался депутатом Фрунзенского районного, Владивостокского и Находкинского городских Советов народных депутатов.

За многолетний и добросовестный труд награжден знаком «Почетный работник морского флота», медалью «За трудовое отличие», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

С 1984 года Ю. Меринов живет и работает в г. Находке.

ЛИЧНАЯ ТРАГЕДИЯ

Повесть

В нашей стране много говорилось о том, что в результате победы социализма создавалась новая общность – советский народ и каждый его представитель горячо любит свою страну. Союз Советских Социалистических республик. Однако последние десятилетия XX века были отмечены нехарактерными явлениями, среди которых – отъезд наших соотечественников за рубеж, на свою историческую родину.

События, описываемые в данной повести, могли быть в любом регионе. Спешу заметить, что все герои вымышлены и за ними не стоят конкретные люди. И если кто-то, по случайному стечению обстоятельств, узнал себя, значит, и такая версия имеет право на жизнь.

Дивноморск просыпается рано. Вернее, не сам город, а его люди. В домах как по команде зажигаются многочисленные огоньки электрических лампочек. Люди встают, умываются, завтракают, вглядываются в окна, стараясь определиться с погодой, и спешат на работу. Они встанут у отдохнувших за ночь станков, сядут за баранки остывших автомобилей, взойдут на строительные леса, войдут в школьные аудитории. Да разве можно перечислить все профессии, которые вобрал в себя этот молодой портовый город.

Сам город не засыпает никогда. Темная синева ночи расцвечена огоньками стоящих у причала и на рейде судов. Между громадинами морских исполинов без устали снуют маленькие катера и неторопливые морские буксиры, выполняя обычную, ежедневную работу. На причалах скрипят порталные краны, загружая трюмы судов всем тем, чем богата наша страна, изредка слышатся гортанные крики стропальщиков. Сноровистые тепловозы по железнодорожным путям расталкивают все новые и новые вагоны. К утру, когда ночь еще не сдала свои права, а новый день еще не наступил, вдруг все скрывается в густой пелене тумана. И первые яркие солнечные лучи сначала робко, а потом все настойчивее расправляются с ним. Город мгновенно преобразается. Становятся приветливее его жители. Синь бухты как магнит притягивает взоры прохожих. Слышится тихий рокот волн. Дышится легко и просто.

Взгляните на город с высоты птичьего полета. Вы будете удивлены этой сказочной картиной, созданной природой и облагороженной человеческим разумом. Все побережье изрезано многочисленными, подчас безымянными бухтами, во многих из них еще сохранилась первозданная красота, в которой можно захлебнуться от безудержного счастья. Вдоль побережья, впрочем, как и во всех портовых городах, серпантинном тянется серая лента асфальта, мчатся грузовики, автобусы, легковые автомобили, преимущественно зарубежного производства. Все куда-то спешат.

В распадках, точно оазисы в ярком ковре земли, расположились жилые микрорайоны. Здесь еще не прошла жестокая рука урбанизации, и рядом с кирпичными или панельными многоэтажками расположились то здесь, то там частные домики с вычурными ставнями и деревянными заборами, выкрашенными, как правило, в голубой цвет.

Вообще, этот цвет в городе доминирует. В него стараются одеть все: жилые дома, подсобные помещения, производственные здания, порталные краны, спортивные площадки, как бы подчеркивая неразрывную связь людей и моря.

Ранним утром еще можно услышать лай собак, мычание коров да запоздалую переключку петухов. Дома, словно по лестнице, поднимаются все выше и выше, пока густая поросль лиственных лесов не смыкает свои ряды, как бы стараясь сохранить свое величие для потомков.

Но общую панораму портят многочисленные дымящиеся трубы предприятий, фабрик и заводов да радужные пятна нефтепродуктов, словно по дикой случайности попавшие на акваторию залива. Но такова действительность, и от этого никуда не денешься. Не научились бережно относиться к тому, что подарила нам сама природа.

На другой стороне сопки расположились многочисленные дачные участки. Здесь уже фантазия хозяев не знает предела, и каждый строит по своему характеру, выдумке и наличию денежных средств. Все это плавно спускается к морскому берегу, куда еще не дошла цивилизация и где можно вдоволь насладиться креветками, трепангами, а то и гребешками.

Скажете постороннему, что еще сохранились такие места на земле, вам не поверят. А между прочим, они есть. Поэтому не зря такое чудесное место получило гордое и интригующее название - Дивноморск.

Это было давно, еще в прошлом столетии. Однажды из Страны восходящего солнца в Россию возвращался транспорт, на борту которого находилась важная персона царской фамилии. Неожиданно налетел тайфун (в летние месяцы частый гость в этой части Японского моря). Судно, преодолевая огромные волны, отчаянно скрипя шпангоутами в конце концов под покровом ночи спряталось в неизвестной бухте. Когда рассвело, взору моряков предстала прекрасная акватория, защищенная с трех сторон высокой грядой сопки с обрывистыми берегами, сплошь покрытыми хвойными исполинами и реликтовыми деревьями. Но больше всего поразила бухта с ее лазурной водой, отсвечивающей яркими бликами взошедшего солнца. Восхищенный представшей картиной государев посланник восторженно воскликнул: «Смотрите, господа, какое дивное море!»

Капитан, не мудрствуя лукаво, записал в судовом журнале: «Бухта Дивная» и поставил дату. С тех пор и закрепилось это название.

Вскоре здесь обосновался военный пост. Отряженные на берег казаки охраняли эту твердыню русской земли на Дальнем Востоке. И если кто-нибудь из вновь прибывших бросал фразу, что здесь кончается Россия, то его вежливо поправляли: «Здесь начинается Россия!»

Ставились избы, раскорчевывались под огороды склоны окрестных сопки, люди обзаводились хозяйством. Осели аборигены: удэгейцы да тазы, появились вездесущие китайцы и корейцы. Все жили в мире и согласии, вместе делили радости и печали. Прибрежные воды были полны даров моря, и только ленивый не имел на зиму запасов морской капусты, сушеной и вяленой рыбы - камбалы и окуня, по нескольку бочонков зернистой икры и жирной тихоокеанской сельди. Кормила и тайга с ее многочисленным животным миром: от уссурийского тигра до крупных зайцев, горделивых оленей и неторопливых медведей. Женщины с ребятишками собирали грибы, кедровые орехи, кишмиш и разную ягоду. Наиболее удачливые промышляли женьшенем.

Революция не внесла изменений в размеренную жизнь поселка, затерявшегося на самом берегу моря за глухими зарослями тайги. Дорог не было. И только одинокие китобои, промысловики морского зверя, заходили изредка в бухту пополнить запасы пресной воды да хоть на время почувствовать под ногами твердую землю вместо вечно уходящей из-под ног палубы.

Прокатилась гражданская война. Даже интервенты все из той же Страны восходящего солнца прошли опустошительным рейдом где-то в стороне. Так бы и жил этот поселок, как и сотни других, на дальневосточном побережье, словно анклав в огромном пространстве новой страны, которая к этому времени именовалась - Советский Союз.

Однако незадолго до Великой Отечественной войны правительство приняло решение о строительстве на Дальнем Востоке открытого морского торгового порта международного значения. Правительственная комиссия во главе с секретарем ЦК ВКП(б) А. Ждановым целый месяц искала подходящее место и наконец остановилась на небольшом поселке, который во всех картах значился как Дивноморск. Было принято специальное постановление, и закипела работа. Стучали топоры, пронзительно визжали пилы, всюду слышалась торопливая трель отбойных молотков и глухие удары кирок о нетронутые веками монолиты камней прибрежных скал. Вскоре выросли длинные, окутанные густыми рядами колючей проволоки бараки, с вышками для часовых. Появились первые обитатели. Как шутили позже - «это была ударная комсомольская стройка». Город-порт строили «уральские и забайкальские комсомольцы» - урки да зеки, недостатка в которых не знало государство. Они мастерили жильё, отвоевывали у моря пространство под будущие причалы и складские площади - все вручную.

Сколько невинно загубленных душ осталось здесь навсегда! Точно про них говорил когда-то великий русский поэт Н. А. Некрасов:

*А по бокам-то все косточки русские,
Сколько их...*

Вмешалась война. На долгие четыре года остановилась стройка. Многие из тех, кто начинал строить порт, навсегда остались в этой земле. И если бы можно было на их братской могиле воздвигнуть огромный обелиск, все равно не хватило места, чтобы назвать всех поименно.

Страна еще стонала от нанесенных ран, восстанавливала разрушенное хозяйство, когда строительство возобновилось. Через два года, морозным декабрьским утром, первое иностранное судно встало под погрузку леса к только что сданному причалу. Задание партии и правительства было выполнено.

Шли годы. Рос порт, расширялся рабочий поселок, который вскоре получил статус города краевого подчинения. Вслед за портовиками бухту начали обживать рыбаки, судоремонтники, моряки. Появились фабрики и заводы,

жилые высотные дома, школы, больницы, детские садики, кинотеатры. Все то, без чего трудно представить современный город.

Была и еще одна особенность. Дивноморск оставался единственным открытым городом на всем дальневосточном побережье. С ранней весны до поздней осени здесь проводились различные симпозиумы и семинары, приезжали бизнесмены и просто туристы. На центральной площади, прямо напротив здания городских властей, на флагштоках развевались флаги иностранных государств. Сбылось пророчество Петра Первого: «Все флаги в гости будут к нам».

Со временем Дивноморск мог стать важным связующим центром между Советским Союзом и странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Иностранцы открыто восхищались городом, но особенно природой: окрестными лесами, заливами и бухтами. Многие из них прикидывали в уме, как можно обустроить этот чудесный нетронутый край и какие прибыли он сулит от многочисленных туристов, мечтающих окунуться в живую ауру природы, уставших от шума и суеты больших городов, закованных в строгие оковы стали, бетон и стекло. Конечно, их так не привезешь, нужен сервис. У русских, к сожалению, с этим плохо. Если честно сказать, то вообще никакого сервиса. «Интересные люди, - думали они. - Живут в чудесной, богатейшей стране, ходят по деньгам и не могут этим воспользоваться. Удивительная страна!

В одной из многочисленных бухточек, что в часе езды от городской черты, стояла палатка. Ее ярко-оранжевый верх был еще влажен от недавно сошедшего тумана; и мельчайшие капельки воды переливались всеми цветами радуги в лучах восходящего солнца. День обещал быть жарким. Чуть поодаль набирал силу костер. Еще с вечера в него положили две огромные коряги, неизвестно где подобранные морскими волнами и выброшенные ими на этот берег. За ночь коряги обуглились, основательно уменьшились в размерах, но сохранили ту таинственную силу огня, которая преобразует жизнь, и сейчас они стремились отдать накопленную энергию подброшенным в костер дровам. Тонкие струйки дыма плавно поднимались вверх. С другой стороны палатки на принесенном морем деревянном ящике, приспособленном под стол, стояла бутылка минеральной газированной воды «Монастырская», чисто вымытый, выдавший виды закопченный котелок да тихо мурлыкавший транзисторный радиоприемник. Вошедшая недавно в моду Алена Апина пела про какого-то Леху, без которого девушке так плохо, пока тот служит в армии. Весь берег был усыпан высохшими водорослями, морской капустой, отшлифованными до блеска раковинами гребешка да кое-где сухими морскими звездами. В метре от кромки берега болталась надувная резиновая лодка с веслами. Увесистый камень служил ей якорем. Справа, под нависшей скалой, стояла старенькая серебристая «Корола» Алексея Степановича Халявки.

В другое время он непременно обратил бы внимание на синюю гладь воды, неторопливо перекатывающиеся волны и чаек, которые отчаянно галдели невдалеке, деля добычу. Всего этого он сейчас не замечал.

В тяжелые минуты, когда на сердце, что называется, «скребли кошки» и хотелось побыть одному, подумать, принять какое-то решение, всегда приезжал на это место в любое время года. Уходил на лодке подальше от берега, бросал якорь, ложился на спину и долго смотрел в безбрежную синеву неба, опустив натруженные, все в буграх, ноги в прохладную целительную морскую воду. Когда же было холодно, разжигал костер, садился поближе к огню, протягивал свои сильные мозолистые руки к теплу, стремясь вобрать растроченную им за долгие дни разлуки с природой всю энергию дерева, огня, земли.

Он приехал сюда вчера, ближе к вечеру. Разбил палатку, накачал лодку, наловил рыбы, сварил уху, поужинал и решил посидеть возле воды, успокоиться. Так и просидел целую ночь на огромном, поросшем буро-зеленым мхом обломке скалы, подстелив под себя старую «Аляску». Это был мужчина, которому недавно исполнилось пятьдесят, под метр восемьдесят ростом, с веселыми, необычайно живыми, цепкими, умными глазами. Густые, чуть-чуть волнистые каштановые волосы уже тронула первая седина. Вокруг глаз отчетливо проступала мелкая сеть морщин. Пожалуй, портил лицо большеватый нос да наметившийся второй подбородок. Даже в таком положении была видна некая сутулость, что свидетельствовало о долгих годах, проведенных за рабочим столом, но, несмотря на это, он имел спортивную фигуру. При более внимательном взгляде можно было определить, что в свое время он активно занимался спортом. Темно-синий с яркими цветными полосами спортивный костюм (какие можно нередко увидеть во время телевизионных трансляций футбольных матчей) и кроссовки известной фирмы «Адидас» были лишь подтверждением этому. Его нельзя было причислить к разряду симпатичных людей, но, взглянув на него один раз, запоминаешь надолго, чувствуешь широту русской души, порядочность и готовность прийти на помощь в любую минуту.

Поблизости, сверкая белоснежными бортами, шел пассажирский теплоход. Трудно было прочесть его название, но зато отчетливо слышались слова песни, звучавшей по судовой трансляции:

*Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все...*

Высоцкий!.. Вдруг динамик захрипел и смолк. Будь другим настроением, Алексей Степанович обязательно продолжил бы песню. Он любил Владимира Высоцкого. Дома, на полочке, лежало около тридцати аудиокассет с его творчеством. Мог часами слушать этот хрипловатый под гитару голос. Не-

сколько лет назад, будучи в Москве в служебной командировке, покончив с делами, съездил на кладбище и положил скромный букетик цветов на могилу, отдавая дань уважения не признанному при жизни барду.

Со стороны могло показаться, что человек приехал на встречу и терпеливо кого-то ожидает, пристально всматриваясь в необъятные просторы залива, любуясь его красотой. Но Алексей Степанович в эти непростые для него часы был далек от всего этого. Мысли, словно огромные волны разбушевавшегося океана, накатывались одна на другую.

Прожито полвека, лучшая часть жизни. Чего он достиг? Какой след оставил на этой земле? Почему всю жизнь стремился к одному, ставил перед собой цели и не достигал их? В чем причины? Быть может, родился под несчастливой звездой? Может, в его генеалогическом древе заложено все это? Он - неудачник. Почему? В одночасье потерял все - работу, жену, детей. А если взглянуть со стороны - быть может, не обстоятельства, а сам во всем виноват? Не смог, не сумел заложить фундамент благополучия, хотя считал, что прочно стоит на земле.

Жестокая штука жизнь. К одним она, как родная мать: лелеет, ласкает, оберегает, отдает последний кусок. Человек сопротивляется, а она пихает ему все самое лучшее, только бы он подольше просуществовал на этой земле. К другим она - мачеха. С пеленок начинает ломать, гнуть, терзать, не прощает ни единой ошибки. Горько наказывает за каждый промах. Сурово мстит.

Разве он заслужил это? Всю жизнь - работа, работа, работа... Жилы вытягивал из себя и из других. Может, и не надо было так?!

Вот и страна. Сколько лет выматывала себя, строила светлое будущее - коммунизм (уже давно он и его дети уже должны были жить в образцовом, сказочном государстве). И вдруг все развалилось, как карточный домик. Все рухнуло. Государство страдает, стонет, корчится в конвульсиях, барахтается из последних сил и не может выплыть.

Скорее всего, и он - дитя своего времени, маленький винтик громадной машины, вместе со страной переживает трагедию. Всю боль, все невзгоды пропускает через себя. При чем здесь страна? Для начала надо разобраться в себе.

Даже сигареты не могут отвлечь Алексея от горьких раздумий. Курил всегда много, иногда не хватало пачки на день. Врачи советовали значительно сократить норму или отказаться вообще. Не хватает силы воли. Несколько раз давал себе зарок, намечал даты и вскоре о них забывал. Но теперь - его любимые «Мальборо» лежали рядом, на камне, нетронутыми, отсыревшие за ночь: было не до них.

Когда это началось? Когда жизнь дала первую трещину, и он не успел ее вовремя заметить? Трещина превратилась в огромную пропасть - не перелететь, не перепрыгнуть, не переползти. Где-то на горизонте подсознания вспыхивает спасительное: «А может, не все потеряно?.. Стоит попробовать...» И тут же пронзает разочарование: «А разве ты не пробовал?.. Не этим зани-

мался все последние годы?.. Поздно... Твой поезд ушел. И на твоей остановке не появится никогда... Когда?.. Когда?.. Когда?.. Почему?.. Почему?.. Почему?..» Прожитые годы, словно страницы огромной книги, вставали перед глазами.

ПРодился Алексей в морозную новогоднюю ночь. Едва часы на Спасской башне Кремля в далекой Москве отбили положенные двенадцать раз, как крик новорожденного ребенка на далекой дальневосточной окраине извещил, что на свет появился новый гражданин, продолжатель рода человеческого.

Его родители тогда жили в небольшом военном гарнизоне вблизи села Алексеевка. Он и имя свое получил по месту рождения. Отец - Степан Осипович Халявка, гордившийся тем, что является тезкой адмирала Макарова, служил при штабе в чине старшего лейтенанта. Родом был из Поволжья, из бедной семьи хлеборобов. Окончив школу, поступил в Московский речной техникум. До войны работал механиком на правительственном теплоходе, курсировавшем по широким просторам русской реки Волги с многочисленными государственными и партийными делегациями. От тех времен остались пожелтевшие фотографии да рассказы о буйных пиршествах партийцев по окончании очередного мероприятия.

С первых дней войны Степан Халявка начал оббивать пороги военкомата, писал рапорты и после окончания курсов младших командиров в суровую зиму сорок первого стоял насмерть в рядах защитников столицы. Долгие четыре года колесил по дорогам войны. Не раз был ранен, контужен, но каждый раз досрочно возвращался в строй. Дошел до самого Берлина и расписался на стенах рейхстага. Но война не хотела расставаться со своим солдатом, будто тот не исполнил полностью свой долг. Через всю страну, даже не дав взглянуть на минутку к родителям, погнали его на Дальний Восток. В Манчжурии война все-таки достала. Как остался живым, знают только военные врачи, которые не один день вытаскивали кусочки металла из истерзанного тела. Почти год провалялся на госпитальных койках. От инвалидности он решительно отказался. В двадцать девять лет стать инвалидом - стыдно. У него же руки, ноги на месте. Хотя по его в многочисленных шрамах телу можно было изучать боевой путь части. Выписавшись из госпиталя, так и остался на Дальнем Востоке. Ходил на службу, перебирал бумаги, печатал документы и дожидался приказа о демобилизации. Надеяться было не на что. Кому в армии нужен боевой офицер с палочкой? Война закончилась, и ее герои должны перейти к мирному труду.

Вскоре познакомился с учительницей, Клавдией Семеновной. Через три месяца расписались в сельсовете. Бойцы выкопали для них землянку, сплели

из лозы крышу, обмазали глиной, установили печку, которая в холодное время топилась сутками, чтобы поддерживать плюсовую температуру.

Детские годы не оставили в памяти Алексея каких-либо ярких воспоминаний. Когда он прожил на этой грешной земле только десять дней, мать неожиданно заболела. В тот день соседка попросила соли, - к вечеру поднялась температура. Может, навела порчу, а может быть, постоянные простуды дали о себе знать. Врач определил: «Грудница», - и мать положили в больницу. Маленького Алексея отвезли к родителям Клавдии Семеновны. Дед - Семен Михайлович работал на железной дороге дежурным блокпоста, бабушка - Аграфена Куприяновна вела домашнее хозяйство. Там ему и выписали свидетельство о рождении. Сегодня, где они жили, этого разъезда нет. И только запись в паспорте напоминает, что когда-то на великой Транссибирской магистрали был такой полустанок. В середине шестидесятых годов неподалеку началось строительство крупного комбината строительных материалов, затем здесь основали станцию. Мало-помалу переезжали люди.

В памяти Алексея запечатлелось одно - всегда хотелось есть. Утром, быстро расправившись с похлебкой, убегал гулять со сверстниками; но вскоре голод начинал напоминать о себе. Лешка прибегал домой и начинал просить кушать. Бабушка Груша, выйдя на крыльцо, приговаривала:

- Вот, внучек, когда солнце будет вон там, - и показывала рукой куда-то в сторону, - придешь и получишь кусочек хлеба.

«Но почему оно так медленно движется?» - думал он, постоянно вглядываясь в желаемую точку. Вероятно, что с тех пор и появилась привычка смотреть в небо, словно ожидал наступления той минуты, которая принесет облегчение.

Родители долго не появлялись. Ему было года четыре, когда они впервые приехали на старенькой разбитой полуторке. Мать бросилась к сыну.

- Бабушка, чего чужая тетка ко мне пристает? - плакал он, прячась под кроватью.

С матерью он, однако, примирился. Тогда-то и узнал, что у него есть еще младший брат Максим.

Алексею шел седьмой год, когда тяжело заболела бабушка, и ее отвезли в городскую больницу. Вскоре родители забрали сына. Так он впервые оказался в Дивноморске, где тогда работал отец.

Тот год особо запомнился маленькому Леше. Они с бабушкой поехали в город. Многие люди плакали. Плакали в поезде, плакали в автобусе, на улицах - повсюду. У взрослых теть текли слезы, оставляя на щеках темные тропинки. Никто не стеснялся, не вытирал их, хотя это было некрасиво. Внук постоянно теребил бабушку:

- Ну почему люди плачут? Кто их обидел?

Она торопливо объясняла:

- Умер дедушка Сталин.

Он никак не мог понять, что это за дедушка, у которого так много внуков? Вот у него один дедушка - дед Семен. У деда только Алешка и Максимка. Не может такого быть! Наверное, баба Груша обманывает. А сама постоянно напоминает, что говорить неправду нехорошо.

Отец целыми днями пропадал на своем заводе, а мать в школе, как раз вела первый класс, и он оставался дома один, занимая себя самого. Однажды, пытаясь смастерить самолет из сломанного стула, порезал руку так, что пришлось обращаться в больницу. В следующий раз умудрился воткнуть вязальную спицу в розетку, и его так тряхнуло, что прикусил язык. Клавдия Семеновна стала брать сына с собой на уроки, усаживала за последнюю парту и спрашивала наравне с остальными, чтобы не баловался. Под Новый год мать принесла классный журнал домой. Алексей тайком заглянул в него и не нашел своей фамилии. Все каникулы ревел, не уставая повторять:

- Ты нехорошая, ты обманываешь меня, а еще учительница.

После каникул мать рассказала все директору, и та посоветовала:

- Запиши его, Клавдия Семеновна. Будет учиться - хорошо. Не получится - осенью снова пойдет в первый класс.

Так Леша и остался в школе.

Зимой, когда выпало много снега, у него появился еще один брат, которого называли Женей.

Что же еще осталось в памяти от тех лет? Высокие деревянные заборы, колючая проволока, вооруженные солдаты с собаками, да перелетавшие из-за высоких заборов деревянные игрушки, которые мастерили «нехорошие дяди». Он так и не понял тогда, почему все они нехорошие, кого обижают? Вскоре семья уехала из Дивноморска.

На лето его забирали к себе дедушка с бабушкой. В девять лет дед Семен впервые смастерил ему маленькую косу, взял с собой на покос, поставил парнишку впереди себя. Научился Леша косить за одни каникулы, да так, что до сих пор мало кто может с ним потягаться.

Только повзрослев, Алексей понял причины столь частых переездов родителей. Отец пил, и с каждым годом запои становились все длительнее. Нет, его никто никогда не видел пьяным, не валялся он под заборами, не простаивал у магазина в ожидании случайных собутыльников. Был весьма интеллигентным человеком, образованным инженером, всегда на хорошем счету. Приезжая на новое место, рьяно брался за работу, всегда добивался высших результатов... и впадал в запой. По окончании запоя - его приглашали, вежливо благодарили, давали хорошую характеристику и просили написать заявление по собственному желанию.

После Дивноморска некоторое время отец работал в сельском хозяйстве, организовывал МТС. Они уехали, как говорила мать, «к черту на кулички». Месяцев через пять в селе зажглись первые электрические лампочки. Через год это была лучшая машинно-тракторная станция в крае. А еще через полгода отца в очередной раз освободили от занимаемой должности. Более двух

85/17

лет он не задерживался ни на одном месте. Кем он только не был за эти годы: парторг ЦК, главный инженер, директор, технорук стекольного завода, главный энергетик деревообрабатывающего комбината. Да разве все перечислишь.

Алексей учился в мореходке, когда решился на первый серьезный разговор с отцом. Тот в то время работал директором зверосовхоза. Вставал рано утром, выпивал прямо из горлышка, не закусывая, бутылку водки, закуривал папиросу и отправлялся обходить свое обширное хозяйство. В восемь часов проводил планерку и приходил завтракать. В обед добавлял стакан, плотно ел, ложился отдыхать. Вечером - стакан-полтора. Остальное - ночью. Его норма была - три бутылки в сутки, не меньше и не больше. Получив зарплату, первым делом спешил в магазин, брал ящик водки и ставил в коридоре под вешалкой. Срывался внезапно, запои продолжались от шести до четырнадцати месяцев. Каждый день - полтора литра. Так же резко и заканчивал. Утром, говорил, что завязал. И мог до года вообще не брать в рот, даже по великим праздникам.

Алексей спросил:

- Скажи, батя, в чем причина? Почему пьешь?

Тот молча снял рубашку.

- Пощупай, сынок, сколько металла оставила война в моем теле. Когда осколки начинают ходить, это единственное средство, спасающее меня от боли.

Но не только в этом была причина. Поработав год-полтора на новом месте, сделав все, что мог, ему становилось скучно. Душа требовала простора, а его уже не было.

Когда отец находился дома, наступало молчание. На водку уходила зарплата, сбережения, затем внезапно исчезали вещи. Бросив пить, он все быстро восстанавливал. Только одна мать знала, как было тяжело. Сколько слез пролила по ночам. Алексей хорошо помнит, что зачастую дома был только пустой суп, где сиротливо плавали молоденькие картофелины, величиной с голубиное яйцо. Покойная бабушка, Аграфена Куприяновна, часто вздыхала:

- Светлая голова у тебя, Степан, да горло слишком хреновое.

Не любила она своего зятя. Вот и не ездил тот к ней.

А голова у него и вправду была светлая. Две Государственных и одна Ленинская премии числились в послужном списке. Не каждому академику такое дано. А сколько еще мог бы сделать, если бы не болезненная тяга к спиртному. И сегодня в свои за семьдесят рассуждает трезво, цитирует по памяти классиков марксизма-ленинизма, помнит все даты и события, начиная с Киевской Руси. В математике и физике с ним вообще невозможно тягаться.

Алексей вспомнил, как перед преддипломной практикой заехал домой. Вечером заспорили. Отец предложил техническое пари - рассчитать тепло-

обменный контур паровоза котла. Сын не возражал: недавно сдал экзамен по этой дисциплине. Через пару часов понял, что потерпел фиаско. Отец же работу закончил. Позже, в училище, проверил - все правильно. Как можно через тридцать лет после окончания техникума помнить методику, все формулы, ни разу не ошибиться?

С годами, став старше, осознал, какая тяжкая судьба выпала на долю матери. Она жила, как офицерская жена, готовая в любую минуту собрать чемоданы и следовать за своим Степаном. Дома никогда не было добротной обстановки, дорогих вещей, хорошей посуды. Они жили как вечные кочевники. Как можно было работать в школе в две смены, вести хозяйство, воспитывать детей и любить мужа, который месяцами не давал семье покоя? За всю жизнь ни разу Алексей не слышал дома ругани или скандала. Когда отец приходил домой в сильном подпитии, мать начинала бурчать, как обычно возмущаются все женщины. Тот ложился на диван со словами: «Клава, давай завтра...» - и мгновенно засыпал, при этом так мощно храпел, что в окнах дребезжали стекла. Утром, если у отца не было бутылки, мать доставала свою записку: знала, не поднеси сейчас, сию минуту, может случиться непоправимое. Вот так и шагает со своим мужем по жизни уже пятьдесят лет. Таким женщинам памятники ставить надо.

Наконец-то сейчас родители обрели некоторое спокойствие. Живут в краевом центре, в благоустроенной трехкомнатной квартире, которую оставил им Алексей. Правда, пенсии не хватает. Инфляция. Лекарства, продукты дорожают с каждым днем. Мать постоянно хворает, отец начал сдавать. На днях разговаривал с ним по телефону. Чувствуется, что плохо ему, но хорохорится. Надо обязательно съездить на следующей неделе. Вот закончит с домашними проблемами и поедет.

Отец карабкается, цепляется за жизнь двумя руками. Когда был помоложе, все поучал Алексея: «Человек должен жить, как картошка: вырастил новое поколение и можно уходить. Зачем коптить небо, забирать у государства деньги. У того и так много проблем». Сейчас у него другая философия: «Жить хочется, сынок, ох как хочется!» Все меньше и меньше остается ветеранов Великой Отечественной войны. Отца стали часто приглашать в школы, вручают подарки. Однажды пришел с пионерским галстуком и целый вечер проплакал:

- Ты знаешь, мать, ерунда какая получается. Время неумолимо щелкает нас, как орехи. Но с каждым годом появляются новые ветераны. Разговаривал намеренно с одним. Оказалось, что их часть посадили в эшелон и направили в Манчжурию; пока добирались, война закончилась. Однако он тоже ветеран войны. Пытается что-то рассказывать детям о войне. Нельзя нас равнять. Несправедливо. Нужно какое-то другое звание, скажем, «Ветеран военного тыла». Вот я всегда стою в очереди, никогда не козырял своим удостоверением. А эти - все лезут и лезут. Совести у них нет.

Но не дает покоя родителям Женька, их младший, любимый сын. Пьет сволочь. Наверное, гены всего рода сконцентрировались в нем одном. Бросил семью, не работает - по пьянке потерял руку - инвалид. Уж намаялся Алексей с ним. Устраивал на учебу, чтобы тот получил хоть какую-нибудь специальность - не надо. Хотел положить в больницу восстановить руку - не хочет. Так удобнее. Носятся с ним как с писаной торбой. Как только наступит вечер, требует деньги на бутылку. Пенсии хватает максимум на неделю. Да и что это за пенсия - двести пятьдесят тысяч рублей? Мать страдает, постоянно жалуется: то грозит поджечь квартиру, то принесет гранату и делает вид, что собирается себя подорвать. Какое родительское сердце выдержит такое? Вот и дают деньги на пьянку. Как-никак младшенький, самый любимый. Всю жизнь помогали. Воспитали на свою голову. «Нельзя так, не следует, - останавливает Алексей себя. - Других легче всего критиковать и указывать на ошибки. Со своими разберись». Пытался не один раз поговорить с братом - бесполезно. Когда трезвый, вроде бы все правильно понимает: кается, дает слово, клянется. Сколько уже было таких обещаний, не сосчитать. А когда пьяный - лучше не трогать. Куражу, как у того авторитета.

Мог бы, конечно, больше внимания уделять родителям Максим: живут в одном городе, есть машина, сел и навесил вечером стариков. Но не сложились у них отношения. По окончании института брат женился и, как обухом по голове для всех, - перешел на фамилию жены. Теперь он Максим Максимов. Еще бы отчество сменил на Максимовича, и было бы полное «МММ» (всю плешь проела эта реклама). Отец не мог простить сыну предательства фамилии. Даже не поехал на свадьбу. Сын воспротивился, обиделся, что родители не хотят его понять. Живут в одном городе, а друг другу посылают открытки и телеграммы к праздникам и дням рождения. Если возникают какие-либо проблемы, то вся связь осуществляется через Алексея. Сколько раз пытался примирить отца и брата - не получается. Надо как можно скорее съездить, не откладывать в долгий ящик! Хотя навещать родителей с каждым годом все тяжелее. Приезжаешь, а мать сразу в слезы:

- Вот мы тебя не воспитывали, рос как сиротинушка. Скоро и ты нас забудешь. Как мы будем дальше жить?!

Терпеть не мог слез, особенно женских (наверное, тот далекий год смерти дедушки Сталина навсегда остался в памяти).

Несколько раз пытался успокоить мать:

- Разве задаю вам какие-нибудь вопросы, попрекаю вас? Вы родили меня, стал человеком. За это буду благодарен до конца дней своих.

После таких слов мать заходила в слезах еще сильнее.

В последнее время они не касаются этой темы. Приедет, расспросит о здоровье, жите-быте и за работу. Там кран надо починить, здесь мебель начала разваливаться, подчас возьмет и перемочет весь пол, постирать поможет. Да разве мало дел в домашнем хозяйстве. Отцу-то все тяжелее и тяже-

лее. Сходит на базар, забьет продуктами старенький холодильник, наберет лекарств. Деньги оставлять бесполезно: все равно уйдут на Женьку.

Хорошо, что отец сейчас не пьет. Все свободное время во дворе со стариками в домино или шахматы. В непогоду - спортивная площадка у них на квартире. Знают, что Клавдия никогда худого слова не скажет, а то еще и чайком попотчует. Она и рада, что хоть на старости лет образумился. Отец последний раз выпил стопку конька на свое 75-летие и объявил:

- Все, сын, я свою бочку выпил полностью, до дна! - и начал вспоминать трудные годы жизни. Заканчивая, неожиданно сказал: - Я многое осознал. Жил неправильно. Если бы можно было начать с начала, прожил бы по-иному, по-человечески. Это моя личная трагедия. Не повторяй моих ошибок, Алексей.

Ш

Картины жизни, словно кадры немого кино, мелькают в памяти. Побросала судьба Алексея за пятьдесят лет. Сколько себя помнит, постоянно приходилось работать, отстаивать место под солнцем. Старший в семье - этим сказано все.

Впервые пошел работать в десятилетнем возрасте. В летние каникулы работал в совхозе. До сих пор стоят перед глазами длинные, уходящие за горизонт рядки кукурузы и тяжелая тяпка, которая к концу дня становилась двухпудовой гирей. Взрослые, закончив норму, расходились по домам, а он все карабкался и карабкался до финиша. Можно было, конечно, оставить работу назавтра, но у него была мечта - купить настоящий взрослый велосипед. Первый месяц принес разочарование - всего 14 рублей 20 копеек. Но доработал до конца лета. А ведь забот хватало и дома: встретить скотину, накормить.

Особенно тяжело приходилось зимой. До школы - семь километров. Поднимут рано. Быстро позавтракаешь, положишь в сумку кусок хлеба, политый растительным маслом и круто сдобренный солью, и в припрыжку мчишься по морозу с одноклассниками на занятия. Это сейчас могут опоздать и объясняют, что долго не было автобуса. Тогда не опаздывали. Приходишь после занятий и начинаешь таскать воду (отец на работе в другой деревне, мать с утра до ночи в школе). Идет среди сугробов такой мужичок с ноготок, ведра на коромысле чуть ли не касаются земли. Потом чистишь три печки, выносишь золу, натягаешься угля, растопишь печь, нагреешь воды. К приходу матери все должно быть готово. Поздно вечером, когда слипаются глаза, садишься за уроки. Делал в основном письменные. То ли врожденная память, то ли внимательное отношение на уроках позволяли почти не учить устные предметы.

Алексей окончил семь классов без троек, гордый собой, принес свидетельство об окончании, положил родителям на стол. Отец, будучи в очеред-

ном запое, даже не взглянул на первый в жизни сына документ, однако многозначительно изрек:

- Все, кончилось твое детство. Завтра выходи на завод - работать надо. Алексею стало обидно, душили слезы. Чтобы не показать своей слабости, выбежал на улицу. Впервые за все время не помог матери. «Как работать?! Ведь мне только тринадцать лет!» - билось в голове.

Лето все же отработал. Шла реконструкция стекольного завода, и его поставили дежурным слесарем в ночную смену. Кому пришло в голову использовать мальчишку в горячем цеху, да еще ночью?! Видать, время было такое. Когда календарь начал отсчитывать последние листки августа, тихо собрался и, не сказав никому ни слова, уехал в город, тот самый, где был с бабушкой в год смерти дедушки Сталина. Теперь он знал, кто это такой. А велосипед так и не довелось купить.

Это были тяжелейшие годы. Один, в незнакомом городе, почти без денег. Тем не менее поступил в школу. Нашел одинокую престарелую женщину и за кормежку и угол на жестком топчане взялся вести все бабкино хозяйство. Вечерами до боли в глазах читал вслух старушке религиозные журналы. И сегодня помнит все церковные праздники.

Как-то зимой, уже в девятом классе, задержался в школе и случайно зашел в спортивный зал, где тренировались футболисты шефствующего комбайно-ремонтного завода. Игра понравилась. Узнал график их тренировок и старался не пропускать ни одной из них. Вскоре паренька заметил тренер Николай Вильевич Хамзин и предложил ему попробовать свои силы. Алексей, вообще-то, никогда не играл в футбол. Его поставили в ворота, объяснили, что и как надо делать. У него стало получаться, и неплохо. За зиму втянулся, обкатался, и был включен в состав команды, выступающей на первенство края. Зачислили на ставку слесаря в какой-то цех (кстати, ни разу там не был). Тренер всегда приносил деньги в конверте и даже не просил расписаться. Алексей удивлялся: оказывается, за удовольствие еще и неплохо платят. Начал, что называется, «пахать» и к концу сезона прочно занял место в воротах в основном составе. В школе дела шли нормально. Директор школы и классный руководитель всегда отпускали на игры. Да и какие могли быть претензии к твердому хорошисту.

Алексей впервые написал письмо родителям, когда перешел в десятый класс. Но до сих пор не может понять (хотя выросли свои дети), почему его не искали эти годы? В тринадцать лет ребенок уехал неизвестно куда и непонятно чем занимался все это время! Если дочь скажет, что придет в десять часов, а ее все нет и нет, - места не находишь, то с балкона выглядываешь, потом не выдерживаешь, берешь фонарик и на остановку. Может, время было другое или дети не такие?

Футбол сыграл свою роль в его жизни. С командой участвовал в соревнованиях достаточно высокого ранга. Был на просмотре в юношеской сборной страны. Есть фотография, на которой шестнадцатилетний Алексей Ха-

лявка с товарищами по команде стоят в тренировочных костюмах с буквами «СССР» на груди. Это было в Ленинграде. Они играли на стадионе им. С. М. Кирова, оспаривая Кубок страны среди сельских коллективов физкультуры. В полуфинале играли со сверстниками из Грузии. Вели со счетом 3 : 0. За десять минут до конца матча защитники провалились, и центральный нападающий Гела Манагадзе вывалился один на один. Алексей вышел из ворот и в тот момент, когда тот чуть-чуть отпустил мяч, успел накрыть его в отчаянном броске, но получил сильнейший удар бутсой по челюсти. Его без сознания увезла машина «Скорой помощи». Тот матч они выиграли со счетом 3 : 2.

В финале его команда встречалась с командой Московской области. Он сидел на трибуне с тугой повязкой и чуть не плакал. Еще не закончился первый тайм, а команда уже пропустила два мяча. Дублер, Валера Дрозд, в обоих случаях дал «пенку», не выручил ребят. В перерыве тренер Серафим Иванович Сагадаев сказал:

- Давай, Леша, снимай повязку и становись в ворота. Надо.

Занял свое привычное место. За пять минут до окончания игры вышли вперед. А на последней минуте в их ворота судья назначил пенальти. Алексей чувствовал, что дополнительное время не выдержит физически. Все болело, голова гудела, как будто пустой чугунок, перед глазами стояли радужные круги. При всем этом пенальти взял. Это была по-настоящему первая победа, победа над собой. Понял, что многого можно достичь своим трудом. Конечно, золотой жетон, диплом первой степени и удостоверение кандидата в мастера спорта тоже были приятны. Газеты расписали мужественный поступок голкипера Алексея Халявки. Им заинтересовались. Звали даже в ленинградский «Зенит», но он уехал домой. А Валера Дрозд тем не менее заиграл. Не раз встречал его фамилию в спортивных газетах, читая отчеты о футбольных матчах.

Вернувшись домой с турнира, вручил матери триста рублей. Та долго не могла понять, откуда деньги.

- Как, за то, что ты бегаешь в свое удовольствие, тебе еще платят? - спрашивала недоверчиво. За такие деньги ей приходилось полмесяца работать в школе.

Вот и одиннадцать классов позади, без единой тройки. Заехал на несколько дней домой. Родители обрадовались, поздравили. Немного отдохнув, поехал поступать в мореходное училище. Для него не было вопроса - «Кем быть?» Только в мореходку. Связать свою судьбу с морем. Пойти по стопам отца, хотя тот и не видел настоящего моря.

Пять лет учебы пролетели незаметно. Это были самые счастливые дни в его жизни: на полном государственном обеспечении, учишь на здоровье, постигай морскую науку. Уже на первой плавательной практике понял, что в выборе специальности не ошибся. Нравилось все: ровный гул машинного отделения, терпкий запах нагретого масла, размеренные удары волн за бор-

том. Не смущали даже штормы и утомительная качка. Когда некоторые чувствовали себя отвратительно, стыдливо опуская глаза на побледневших лицах, стойко нес вахту, и, если бы понадобилось, мог бы отстоять и две-три подряд.

Тогда его удивили страны, в портах которых приходилось побывать. Но особенно поразила Япония с ее высотными домами, светящейся громадой рекламы, нескончаемыми потоками машин, шикарными магазинами и маленькими лавчонками, в которых все можно купить. Но при всей внешней привлекательности не хотелось бы здесь жить. Русская душа требует широты, простора, а здесь - сплошные нагромождения, нет ни одного сантиметра свободной земли. И только за невысокими заборами не раз замечал карликовые, причудливо изогнутые деревья, свидетельствующие, что на этой земле осталась живая природа.

Позже удалось побывать на всемирной выставке «Экспо-70». Когда многие члены экипажа уходили в город бегать по лавкам, прикупить кое-что для семьи, он, при первой возможности, уезжал на выставку. Вот где было раздолье! Словно все страны мира собрались большой компанией, демонстрируя друг перед другом свою мощь, силу или просто наряды. Жалел, что не удалось посетить все павильоны. Времени не хватило. Интересные, однако, люди - японцы. Вежливые, улыбаются, кланяются друг другу. Приятно смотреть, хотя не знаешь, что у каждого из них на душе. Нам бы такое воспитание, культуру нации. В нашем государстве, к сожалению, многое по-другому. Растеряли мы за годы Советской власти все богатство, накопленное веками, а новое создается и приживается с трудом. Как там в песне поется:

*Весь мир насилья мы разрушим до основанья,
А затем мы наш, мы новый мир построим...*

С первой частью успешно справились. А вот со второй что-то не совсем получается.

Во время проведения выставки попросил политического убежища один из туристов, кандидат наук, ведущий конструктор оборонного завода. Пока решались вопросы, куда же его отправить, тот каждый вечер приходил к трапу судна и, как собачонка, тоскливо смотрел на кусочек Родины с красным флагом. Экипажу категорически запретили общаться с ним, давать еду или деньги. Хотя некоторые, в том числе и Алексей, плевали на эти запреты. Просто было противно, гадко. Решил изменить стране, не унижай себя, не позорь свою бывшую Родину. Как там говорил один из героев фильма: «За державу обидно».

Совсем по-иному состоялось знакомство с Китаем.

Судно пришло с грузом соли в порт Далян в самый разгар культурной революции. Встретили их хмурые лица, с презрением смотревшие на каждого русского. Все китайцы были одеты в единую униформу и обязательно со

значком великого кормчего на груди. У Алексея даже сохранился один с надписью: «Да здравствует председатель Мао Цзедун!». Экипажу не разрешили сойти на берег. А как хотелось пройтись по земле отцов и дедов. Ведь Дальний - частица русской истории. Зря отдали территорию. Вот американцы ничего своего не отдают. Наоборот. При каждом удобном случае стараются оттяпать кусочек пожирнее и сразу заявляют о сфере своих экономических интересов. «Зря вы, братцы-китайцы, так к нам относитесь. Кто помог вам стать независимой страной, кто помогал строить социализм? Такие, как Степан Халявка и тысячи других, полили своей кровью вашу землю за ваше счастье. Зря вы так», - хотелось сказать им такие слова. А ведь совсем недавно говорили: «Курица - не птица, Китай - не заграница». Переболеют, все пройдет. Они еще скажут свое слово. Великая нация. Умеют работать. Нам бы, русским, немецкую педантичность, японскую предприимчивость и китайское трудолюбие - мы бы действительно могли построить коммунизм.

В училище Алексей не расстался со своей мечтой - футболом. Нашел клуб, где тренировалась местная команда «Тихоокеанец». Главный тренер Виктор Иванович Малыхин, сам в прошлом неплохой футболист, даже не стал смотреть документы, просто сказал:

- Приходи, начинай работать. Посмотрим, на что способен.

Старался не пропускать тренировок, что с полувоенной дисциплиной в училище не всегда удавалось. При очередной встрече наставник футболистов задорно смотрел на нового игрока, хлопал по плечу и приговаривал:

- Если футбол мешает учебе, оставь... учебу, - и заразительно хохотал.

В первый год Алексей несколько раз выходил на замену и не пропустил ни одного мяча. Его признали в команде, узнавали болельщики.

В следующем сезоне «Тихоокеанец» встречался с самим московским «Динамо» в соревнованиях на Кубок Советского Союза. Всем хотелось сыграть с «живой историей» советского футбола, не ударить в грязь лицом. Алексей удивился, когда на установке его фамилию назвали в стартовом составе. То ли тренер не верил в успех, и в случае провала все можно было списать на молодого вратаря, то ли вправду решил проверить его в настоящем деле. На родном стадионе, как говорится, негде было упасть яблоку. Такого еще не видел в своей жизни. Перед выходом на поле Виктор Иванович сказал:

- Не требую от вас невозможного. В конечном итоге, не так важен результат. Прошу вас, отыграйте как умеете, не думайте о счете. Болельщики вас поймут, если вы покажете настоящий футбол.

В начале второго тайма при счете 4 : 2 в пользу «Тихоокеанца» Алексей высоко выпрыгнул, отбил мяч и, неудачно приземлившись, сломал руку. «Тихоокеанец» проиграл со счетом 4 : 5. Но весь стадион провожал своих любимцев как победителей, словно те только что выиграли финальный матч чемпионата мира. Алексей все это видел на экране телевизора, сидя в приемном отделении краевой клинической больницы.

Рука срасталась плохо, пришлось выдержать еще две операции. Одно время советовали уйти в академический отпуск. Тот матч был последним официальным матчем в его жизни. Как память до сих пор хранит он футболку с автографом самого Льва Яшина, подаренную динамовцами.

Самым знаменательным событием в жизни стало вступление в партию. Его никто не подталкивал. С ним никто не беседовал. Мысль пришла сама собой. Долго мучился, останавливал себя, требовал подумать, все взвесить. Стоя ночами в наряде, нередко мысленно разговаривал с отцом, советовался: «Вот ты, батя, вступил в партию в сорок первом, под Москвой. В свой «последний и решительный» хотел уйти коммунистом. А что я успел сделать? Смогу ли быть нужным партии? Это такой путь, с которого, сделав шаг, не свернешь, нужно идти всю жизнь». - «Хорошо, сынок, что ты так относишься к себе, к своему важнейшему в жизни решению. Взвесь, способен ли ты взвалить на свои плечи эту непростую ответственность. Не торопись, подумай. Что касается боев, то их еще немало будет в твоей жизни. Намного ожесточенней, чем были у меня. Помни только одно: никогда не сдавай свои позиции без боя, если уверен в правоте». Алексей написал заявление. Вот уже двадцать семь лет бережно хранит партийный билет, какие бы бури не проносились над головой.

В училище по распределению шел третьим, хотя по баллам должен быть первым. Чуть-чуть не дотянул до красного диплома. Но существовал порядок. Сначала - начальство: старшина роты, его заместитель, а потом все остальные смертные. Ему предложили Сахалин, где в то время жили родители. Алексей отстоял свой выбор, остался в городе и распределился в самое крупное на Дальнем Востоке пароходство. Сбылась мечта! Что еще можно желать в двадцать три года? На плечах - новенькая, с иголки, морская форма. В кармане - пахнущий типографской краской диплом.

Ранним сентябрьским утром ушел он в свой первый самостоятельный рейс. Новые страны, новые встречи и расставания: Америка, Канада, Япония, Австралия, Вьетнам, Италия, Югославия. В каждом порту, если удавалось побывать в увольнении, стремился посетить исторические места, музеи, сходить в кинотеатр, побродить по паркам. Многие не понимали этой чужаковатости четвертого механика, и на судне незлобиво подшучивали над ним. Его не интересовали шмотки, тряпки, безделушки. Порой брал вещь, которую, если побегать, можно было купить намного дешевле. А остальное - для кого брать? Родители далеко, любимой девушки нет, друзья разбрелись по всему белому свету. Впрочем, и друзей: раз два и обчелся. Да и откуда они могут быть, когда за одиннадцать лет учебы сменил восемь школ. Многие, наверное, и не помнят, что учился в их классе такой ученик - Леша Халявка. В старших классах вечерами работал, и постоянные тренировки отбирали все свободное время. Он и в училище редко ходил на танцы и вечера. В праздники просился в наряд - пусть местные ребята сходят домой, его ведь никто

не ждет. Не встретила еще такая девушка, за которой пошел бы, не раздумывая. Значит, пока не судьба.

Они пришли в корейский порт Чхонжин в пять утра. Стояли на рейде, так как в порт можно было заходить только в светлое время. Судовые умельцы быстро смастерили люстры и вывесили за борт. Желающие стали ловить кальмара, которого здесь, по рассказам, видимо-невидимо. Не устоял от соблазна и Алексей. Хотя и его вахта, но «в машине» делать нечего. Часа полтора провел на палубе. Около сотни тушек лежали возле ног, шевеля щупальцами и выкидывая тугие струи темной, как чернила, жидкости.

К вечеру поднялась температура, а утром - сам сначала не понял, что произошло - вокруг стояла гробовая тишина! Алексею показалось, что его изолировали, посадили под прозрачный звуконепроницаемый колпак за какую-то провинность. Нет, жизнь продолжалась. Вибрировал корпус от работы вспомогательных механизмов, шевелились грузовые стрелы, сновали люди, смешно открывая рот и не произнося ни единого звука. Судовой доктор никак не мог понять причину случившегося и все списывал на довольно свежий ночной вечер. Меняли лекарства, чем-то натирали, ставили компрессы, но желаемого улучшения не наступало. Алексея освободили от вахты. Целый месяц бесцельно бродил по судну, не зная, чем заполнить внезапно появившееся свободное время. Объяснялся с помощью карандаша и листка бумаги. Впервые растерялся, не знал, что делать. Экипаж должен был сделать еще несколько рейсов из Японии в Корею, но, как назло, заходили в такие порты, где советские суда бывали редко. Неожиданно пришла радиограмма с предписанием - зайти в базовый порт и после небольшого ремонта встать на линию по перевозке сахара-сырца с далекой Кубы. Никто из экипажа не был на героическом острове, и все с нетерпением стали ожидать встречи с молодой республикой, ее золотистыми пляжами и голубыми прозрачными водами. Теплоход взял курс на Дивноморск.

IV

Теплоход «Джордано Бруно» стоял у причальной стенки Дивноморского судоремонтного завода. За свою двадцатилетнюю историю он избородил почти все моря и океаны. Возил лес и уголь, трубы и металл, не раз доставлял необходимые грузы в районы крайнего Севера, добрался даже до Тикси. На его долю выпали суровые огненные рейсы к берегам свободолюбивого Вьетнама. В знак признания заслуг судна на ходовой рубке сиял орден Дружбы народов. Под стать судну были и люди, многие трудились здесь с постройки. Но впервые предстоял рейс на Кубу. Вот и закончены ремонтные работы. Не сегодня-завтра подвезут техническое снабжение, и за кормой привычно вскипит вода, начнет набирать обороты главный двигатель, прощальный гудок известит о неизбежном расставании. Алексей сдал дела новому

четвертому механику. Но как не хотелось ему уходить и прощаться с людьми, ставшими для него близкими и родными!

Врачи вынесли приговор: «...можно использовать на береговых работах до полного восстановления слуха». Алексей и не надеялся на другой исход. Кому нужен полуглухой специалист? Мучил только один вопрос - что же делать дальше? Куда податься? Уехать? Отпуск? Но медики основательно взялись за лечение, не рекомендовали прерывать курс.

Еще в первые дни стоянки судна в заводе встретил однокашника, Бориса Коха. Они не были друзьями, учились в разных группах. Вообще-то, между судомеханиками и ремонтниками стояла какая-то стена отчуждения. Первые считали себя привилегированной кастой, хотя их дразнили «маслопупами». Вторые старались не замечать зазнаек, их называли не лучше - «клепами». Но здесь увиделись как родные. Так встречаются на чужбине земляки, хотя один родился и вырос в Сибири, а другой - на Дальнем Востоке. Алексей знал немного историю Бориса.

Во время войны многих немцев из центральной части страны депортировали в Среднюю Азию. Там он родился и учился. Отец работал ведущим инженером в Центре управления полетами на космодроме «Байконур», мать - главным врачом в больнице города Ленинска. Борис окончил школу с золотой медалью. Всех поражали его математические способности, и родители надеялись, что сын будет поступать в МВТУ им. Баумана и пойдет по стопам отцам... Но... после первой плавательной практики Борис понял, что ошибся в избранной профессии. Едва ставил ногу на ступеньку трапа, стоящего у причала судна, как начинало тошнить. Пришлось написать рапорт и перевестись в судоремонтники.

Они встречались еще несколько раз, и однажды Борис предложил Алексею перейти к ним в дизельный цех, мастером.

- Конечно, временно, - уверял он своего сокурсника, - вот подремонтируешься и иди в свои моря.

Не долго думая, Алексей дал согласие. Быстро оформили документы. «Временно откомандировать тов. Халявку А. С. в распоряжение Дивноморского судоремонтного завода», - было написано в полученной радиограмме. Работа захватила, но многое приходилось познавать на практике.

Получив первую береговую зарплату, Алексей решил сходить в универмаг, приодеться; неудобно ходить в парадной морской форме, пусть повисит до лучших времен, еще пригодится.

В отделе готового платья ничего подходящего не было. Какой костюм не примерит - рукава чуть ли не по локоть. «Отрастил себе руки на футболе. Теперь приходится страдать. Может, спросить у продавца? - подумалось ему. - У них всегда что-нибудь есть в загашниках». На прилавке стояла табличка: «Вас обслуживает продавец Мария Рудольфовна Крузе». Алексей несколько раз пытался заговорить с пышногрудой блондинкой с распущенными волосами, в черном атласном халате с белым отложным воротником. Но та ожив-

ленно беседовала, по-видимому, с подругой и делала вид, что не замечает назойливого покупателя. Вот она советская действительность. За границей - совсем по-другому. В любой лавке подберут нужный товар, примерят, при необходимости подошьют, да еще безделушку вручат на память. Мелочи, а приятно.

- Мария Рудольфовна! - не выдержал он. - Вы бы не были столь любезны, чтобы обратить внимание на единственного покупателя, который вот уже полчаса пытается у вас спросить...

- Считайте, что обратила и внимательно слушаю, - несколько резко ответила она, словно надоедливый покупатель в очередной раз оторвал ее от важных дел.

- Мне никак не удастся подобрать костюм, все рукава короткие. Что вы могли бы мне посоветовать?

- Сходить в ателье и заказать по фигуре, чтобы не отвлекать понапрасну людей.

- Приношу свои глубокие извинения и благодарность за совет... Вам просто надо работать в другом месте. До свидания, - он резко повернулся и вышел.

Девушка посмотрела ему вслед из-под густых пушистых ресниц с интересом. С ней еще никто так не разговаривал. «Надо запомнить этого кадра».

Месяца через полтора они встретились вновь в злополучном универмаге. Алексей зашел в магазин после работы купить кое-что по мелочам. Ему выделили крохотную комнатку, от силы метров девять, и надо было придать ей человеческий вид. Стоял в очереди, нетерпеливо переминался с ноги на ногу, когда его неожиданно окликнули:

- Молодой человек, вас можно на минутку?

Здравствуйте, Мария Рудольфовна, - ответил он, узнав продавца, которая не совсем вежливо обошлась с ним в тот раз.

- Здравствуйте, - смутилась девушка, - Смотри-ка, имя запомнили.

- Вас нельзя не запомнить. - (И трудно было понять по голосу: это - комплимент или что-то другое, осуждающее.) - Вы хотели мне что-то сообщить?

- У нас на прошлой неделе были костюмы. Оставила один для вас. Если вам еще нужен, подходите в отдел, - и, не дожидаясь ответа, быстро отошла.

Костюм и впрямь подошел, как будто с него снимали мерку.

Вечером они встретились. Алексей стоял у служебного входа, когда Мария вышла. Она была в яркой болоньевой куртке, импортных сапожках и белой вязаной шапочке. Долго гуляли в тот вечер и болтали о всякой чепухе. С новой знакомой было легко, как будто были знакомы уже долгое время. У подъезда общежития она, опустив глаза, несмело спросила:

Мы еще встретимся?

Алексей записал номер рабочего телефона и, попрощавшись, исчез в темноте ночи.

Через месяц знал о девушке почти все: родилась здесь же, недалеко от Дивноморска, в селе Черемшаново в пятидесятом году, по паспорту русская, хотя все родственники по линии отца - чистейшие немцы, что ее прадед в свое время перебрался в Россию и обосновал свое дело в Поволжье. Имел солидное поместье, мельницу, маслобойню. До сотни душ работало на него. Дед по материнской линии ударился в политику. Хорошо знал Ленина, дружил с Дзержинским, был арестован царским правительством, приговорен к пожизненной каторге и сослан в Сибирь. Сбежал, обосновался в этих краях. Его расстреляли перед самой войной как немецкого шпиона. Папа также родился в Черемшаново. Только в сорок третьем его забрали на фронт. Демобилизовался в сорок девятом. Помогал обустроиваться немцам в советской зоне. Отец работает десятником в местном леспромхозе.

Мама - полячка, из древнего рода шляхтичей Стравинских. Окончила музыкальное училище, преподает в школе и учит музыке малюток в детском садике. Мать считает, что муж загубил ее жизнь. Ей прочили блестящее будущее, но из-за него она «зарыла свой талант в этой глуши». В семье трое детей. Сестры вышли замуж и живут в других местах. Мария два года назад окончила школу. Поступала в техникум, но не прошла по конкурсу. Домой возвращаться было стыдно, да и что делать в деревне? Душе хотелось чего-то необыкновенного. Устроилась учеником продавца, теперь вот трудится самостоятельно. Работа нравится, но устает - целый день на ногах.

Они встречались не часто, в основном по воскресеньям, если у Марии был свободный день, а Алексей не уходил в море на ходовые испытания. Звонила в цех, назначала время, и целый день проводили вдвоем. Они никогда не говорили о любви, о своем будущем. Целовались-то всего несколько раз. Им было хорошо. Обычно гуляли до последней минутки, а потом торопливо бежали до общежития. Не оставалось даже времени постоять, прижавшись друг к другу, сказать ласковое слово.

- До одиннадцати надо быть на месте, - объясняла Мария. - Вахтеры у нас настоящие церберы. Замучат потом объяснительными, на собрании будут воспитывать. - Заскакивала в последний момент, когда на дверях начинали противно скрежетать ненавистные запоры. Никогда не задавала лишних вопросов. Только однажды, когда уже перешли на «ты», неожиданно спросила:

- Леша, ты когда собираешься возвращаться в пароходство?

- Пока не знаю, - ответил с горечью. - Уже дважды подавал рапорт на имя начальника, но ответа пока нет.

Вечерами, лежа на скрипучем диване, Алексей пытался разобраться в зарождающихся чувствах. Девушка притягивала к себе, манила, но одновременно и пугала. Нравилась своим веселым характером. Подчас казалось, что она не может сердиться и пяти минут. Была хорошей хозяйкой. Когда бывала у него, немедленно выгоняла погулять часок-другой. Возвращаясь, он не узнавал своего жилища. Все блестело и сверкало, вещи лежали на своих мес-

тах. Прекрасно готовила (или ему основательно надоел однообразный столовский харч и питание всухомятку). Но пугала своей безрассудностью. Могла с зарплаты купить какую-нибудь сногшибательную вещь, к которой быстро охладевала, так как подобное появлялось на ком-то другом, и целый месяц потом жить впроголодь, перезанимать у подружек рубли и тройки. А может, так и надо? Это его жизнь приучила быть рассудительным, считать каждую копейку.

И все же они были разными. Алексея тянуло к природе, к тишине, где он мог отдохнуть от суеты и грохота металла, от постоянного жужжания токарных, сверлильных, фрезерных станков. Мог часами, уединившись где-нибудь на берегу, наблюдать, как медленно уходит за горизонт солнце, не спеша, появляется луна и световая дорожка надолго застывает на водной глади залива, а неторопливые волны медленно перешептываются, будто благодарят прошедший день и готовятся на покой. Мария, наоборот, любила шумные компании, рестораны, всегда была душой любого застолья. Она претендовала на большее, что могла дать жизнь. Неудовлетворенность тяготила. И хоть вечер был таким, каким она могла представить светское времяпровождение, но не это было главное. Он терзался одной мыслью: можно ли их чувства, отношения назвать любовью? В книгах совсем по-другому описывают настоящую любовь - когда не могут друг без друга прожить и минуты, вместе идут на эшафот, бросаются в горящий дом, прыгают, не раздумывая, с высокого моста в ледяную воду. Взаимная любовь возвышает человека, делает его чище, богаче душой, толкает на великие открытия. У них с Марией этого нет. А может, и нет самой любви? Придумали люди сказку, верят в нее, носятся с ней по жизни. Так и не найдя ответа, засыпал.

Утром спешил на работу, вливаясь в широкий поток многотысячной армии тружеников своего завода, таких же, как и он. И только одно постоянно не давало покоя. Часто бывая на судах, спускался в машинное отделение, ходил среди мерцающих матовым светом ламп, холодных металлических громадин, гладил их шершавые бока. На душе становилось тоскливо: «Сегодня они бездушные, холодные, а завтра - каждый из них, словно живительную влагу, вдохнет жизнь в этого стального исполина. Все закрутится и завертится». Как бы хотелось, чтобы оно подчинялось его воле и разуму. После таких посещений долго не мог прийти в себя, вспоминал отца. Когда-то и тот ходил по этим заводским аллеям, цехам, причалам. Его должны помнить. Правда, тогда деревья были маленькими. Теперь они вытянулись, окрепли, заматерели, шелестят густой кроной, исправно несут свою нелегкую службу. Не было тогда и многих корпусов. Завод только зарождался.

Странно устроена человеческая память. Иногда она пропускает года, стирает из памяти целые столетия, а порой фиксирует мельчайшие детали, которые могут решительно изменить все.

Быстро летит время. Алексей написал очередное заявление на отпуск с последующим переходом на работу в пароходство. И вдруг как гром среди

ясного неба - его избирают секретарем комитета комсомола завода. Разумеется, накануне был долгий и обстоятельный разговор в партийном комитете. Он, в основном, слушал. Секретарь парткома, Анатолий Андреевич Александров, уже в который раз говорил о месте и роли комсомола как резерва партии. Рисовал картины дальнейшего роста и перспективы:

- Конечно, Алексей Степанович, мы могли бы тебе просто приказать в партийном порядке, и ты бы никуда не делся. Но не хочу я этого. Ты сам должен понять. Есть в тебе организаторские способности. Твердо стоишь на земле. Молодежь тебя знает, тянется за тобой. Помоги расшевелить нашу рутину.

Алексей упорно молчал, хорошо понимая, что деваться просто некуда, придется соглашаться, но медлил с ответом. В глубине души все еще надеялся, что секретарю парткома может надоест разговор и тот пошлет его к чертовой матери.

- Иди, Халявка, подумай. Завтра конференция. Зря, наверное, партком убеждал директора дать тебе однокомнатную квартиру. К Новому году будет сдаваться очередная заводская дом.

В воскресенье рассказал Марии о назначении на высокую должность. Девушка внимательно выслушала и как-то буднично сказала:

- Вот и хорошо. А то ушел бы в свое море и забыл меня.

Стало как-то радостно на душе: он небезразличен. Ему нравилось ее имя - Мария, Маша, Машенька. Чисто русское имя - Иван да Марья, Машенька и Медведь. Народ всегда давал своим героям имена, где чувствовалась широта души, русская удаль, девичья краса. Однако Марию ее имя угнетало. Еще в первые дни знакомства сразу предупредила:

- Не называй меня Машей или Машенькой - ненавижу. Так в деревнях называют коров до свиней. Фантазии у моих родителей не хватило. Сколько прекрасных имен есть на свете. Идешь по улице и слышишь, как кто-то зовет: «Маша, Маша», - оборачиваешься, оказывается, хозяйка выкликает из стада свою любимую буренку. Противно, реветь хочется.

Алексей недоумевал:

- При чем тут имя? Главное, чтобы за ним стоял человек. Ладно, буду звать тебя только Марией, если тебе так больше нравится.

В тот вечер они сидели в ресторане, отмечая день рождения Марии. Она настояла, чтобы отпраздновать с друзьями. Алексей собирался тщательно. Отутюжил тот самый костюм, надел белую рубашку и подаренный девушкой галстук. Купил огромный букет роз по количеству прожитых лет. Компания подобралась шумная. Подруги, кто с мужьями или приятелями, кто просто одни, веселились, как принято говорить, от души. Было на самом деле весело. Уже прощаясь у дверей общежития, Алексей вдруг неожиданно, даже для самого себя, сказал:

- Мария, выходи за меня замуж.

Девушка вскинула на него свои глаза, словно удостоверясь, что это сказано им.

- Хорошо, я подумаю, - чмокнула в щеку и исчезла в темном проеме двери.

На следующий день Алексей уехал. Его как новоиспеченного секретаря комитета комсомола направили на месячные курсы в зональную комсомольскую школу. «Вот и хорошо, - успокаивал он себя. - Подумаю я, подумает и Мария. Будет время все взвесить, чтобы не наделать ошибок».

Каждый день в течение месяца мысли вольно или невольно возвращались к девушке. Алексей думал только о ней. Это было что-то новое.

Экзамены сдал успешно, его отметили как одного из лучших. С тревожным чувством возвращался домой. «Завтра - воскресенье. Придет ли Мария на излюбленное место? Может, посчитала мое предложение неудачной шуткой, сказанной под хмельком, и уже забыла неуклюжего парня, который и в любви не может по-настоящему объясниться. Что думает, то и рубит с плеча», - думал Алексей, стоя в тамбуре поезда. И курил, курил («Что-то в последнее время стал злоупотреблять, надо ограничить себя или вообще бросить курить!»). Показались первые станционные огни. Состав остановился. Спрыгнул на покрытую первым снегом платформу и поспешил домой. В Дивноморске хорошо! Нет грязи, копоты, смрада, выедающего глаза. Дышится легко.

Вот и знакомая дверь. Открыл, зажег свет и остолбенел. На диване, свернувшись калачиком, спала Мария в том самом платье, что была в ресторане. Показалось, что они не расставались и только что вернулись с дня рождения: он выскочил на несколько минут, а она задремала, ожидая его. Так и стоял, залюбовавшись девушкой, которая казалась еще прекрасней и желанней. Неожиданно Мария открыла глаза, несколько секунд шурилась, будто соображая, где находится и как сюда попала, томно потянулась и вскочила на ноги:

- Ты уж извини, пожалуйста. Я из общежития ушла, перебралась к тебе, временно, пока не найду квартиру. Придется потерпеть, если не выгонишь. Пришла с работы, приготовила ужин, ждала, ждала и задремала...

Алексей скинул на пол пальто, подошел к девушке и жадно поцеловал ее. Потом был праздничный ужин с шампанским по случаю возвращения, с тостами и жаркими объятиями.

Во вторник подали заявление в загс. На старый Новый год сыграли свадьбу. Завод выделил автобус, и многочисленные подружки счастливой невесты поехали в Черешманово. С его стороны были только свидетель и однокашник Борис Кох. Жалел, что не приехали родители. Отец, скорее всего, был в очередном запое, и мать не оставила его одного. Но Максим-то мог приехать.

На свадьбе Борис Кох от имени дирекции завода вручил им ключи от новой квартиры. Три дня свадьба пела и плясала. Умеют же на Руси гулять! Сколько лиц промелькнуло за эти дни! Многих видел в первый и наверняка в

последний раз. Эту свадьбу Алексей помнит до сих пор. Стоит только закрыть глаза, слышится нестройный хор голосов: «Горь-ко! Горь-ко!», и видятся теплые, чуть припухшие губы жены.

V

Алексей долго не мог привыкнуть к ощущению семейного счастья. Как быстро, в одно мгновение, изменилась его жизнь. Оказывается, ты кому-то нужен не только на работе. Тебя ждут дома, и это волнует, заставляет спешить. Ты тоже должен о ком-то заботиться. Просыпаешься среди ночи и с замиранием сердца вслушиваешься в ровное дыхание жены. Повернешься на бок, проведешь языком по бархатной, дурманящей коже, положишь руку на грудь и чувствуешь, как мгновенно наливаются упругой силой соски, по телу пробегает медленная дрожь страсти. Сольешься в едином поцелуе, и начинается ночь любви с громкими стонами и криками блаженства. Порой любовные игры затягиваются до утра, и только настырный звонок будильника заставляет разомкнуть объятия и вспомнить о реалиях - надо спешить на завод. Даже море отошло на второй план, не так волнует и манит.

Справили новоселье. Обустроились в новой квартире и долгими вечерами мечтали о будущем. Он убедил жену, и она поступила на заочный факультет института торговли, будет экономистом. А через год родилась дочь. Долго спорили, как назвать девочку. Алексей уступил, и Мария назвала новорожденную Маргаритой. Через два года о своем появлении на свет громким криком известил сын. Алексей уже работал заместителем начальника цеха, вот-вот должен был сменить уходящего на пенсию шефа. Вспомнился 1961 год, когда прямо среди уроков по радио объявили, что гражданин Союза Советских Социалистических республик, Юрий Алексеевич Гагарин, побывал в космосе и сделал полный оборот вокруг Земли. Событие врезалось в память. Вот и появился еще один Юрий Алексеевич. Воспоминание о сыне резкой болью вновь полоснуло по сердцу. Не суждено, видимо, Юриям Алексеевичам долго жить на земле. Сыну едва исполнилось шесть месяцев, как его не стало.

Алексей в составе делегации Министерства морского флота улетел во Вьетнам, чтобы на месте изучить возможность совместной работы по ремонту судов на заграничной базе. Мария положила ребенка на ночь с собой, чтобы покормить не вставая, если проголодается. И накормила... Сын задохнулся от тяжелой груди, которая перекрыла дыхательные пути туго спеленованному младенцу.

Это была трагедия. По возвращении Алексея из командировки она еще долго не могла смотреть мужу в глаза и в минуты откровенной истерики ползала на коленях по полу и просила прощения. Он не сказал ей ни единого обидного слова, как мог успокаивал. Переживал молча. С тех пор глубокая